

**ИНТЕРВЬЮ С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ПОДКОМИТЕТА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ПО РАЗВИТИЮ
ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ
РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ПАРТИИ РОССИИ
В. Н. ЛЫСЕНКО**

В. Филиппов. Владимир Николаевич! На днях вышла ваша книга, посвященная, как это следует из подзаголовка, становлению нового российского федерализма. Совершенно очевидно, что вы не сторонник каких бы то ни было радикальных реформ в сфере государственного устройства России.

В. Лысенко. На сегодняшний день, в соответствии с Конституцией, государственное устройство России строится на двух принципах: национально-территориальном и административно-территориальном. При этом закреплено равноправие всех субъектов Федерации, т. е. краев, областей и республик. Я выступаю категорическим противником идеи «губернизации», ибо я хорошо знаю историю России, в том числе Российской империи, и должен сказать, что, наряду с губерниями, там были Королевство Польское, Великое княжество Финляндское (со своей конституцией), большую автономию имели калмыки, народы Средней Азии. И Российская империя была очень сложным и гибким механизмом... Поэтому то, что сегодня предлагает Жириновский, а вслед за ним Стерлигов, Рудкой, а порой даже и Шахрай (с очень похожими идеями) — это попытка унифицировать страну, построить всех «под одну линейку».

Я не знаю в истории ни одного случая, чтобы кто-нибудь отдавал свои права добровольно. Республики получили права, которые закреплены в Конституции, и, если мы скажем: «Ребята, отдавайте все назад!», я думаю, это будет повторение чеченского конфликта, но уже в 21-м субъекте Федерации. Поэтому Россия, как многонациональная страна, неизбежно будет строиться на этих двух принципах.

В начале 90-х годов проблема сепаратизма меня очень беспокоила, поскольку вслед за распадом Советского Союза поднимали свой суверенитет Татарстан, Башкортостан, а Чечня и вовсе заявила о выходе из состава Федерации. Но за последние два года наблюдается уже обратный процесс, а именно усиление центростремительных тенденций. Таким образом, за исключением Чечни, в остальных республиках всё уже успокоилось: Конечной, националистически-сепаратистские силы есть в каждой республике, но потенциальный электорат их невелик: они могут рассчитывать не более чем на 5% голосов избирателей. Сепаратизм существует во всех больших государствах, надо только уметь к нему спокойно относиться и не делать из этого трагедии.

Однако сейчас появилась новая главная опасность, я ее называю «великодержавным шовинизмом». Русский народ — самый многочисленный в стране, но на сегодня хуже всех организованный. Пока остальные народы «просыпались», вспоминали свою историю и повышали свой статус, русский, словно бурый медведь, находился в спячке, а сейчас проснулся, начал осознавать свои интересы и увидел, что опоздал, в какой-то степени, к разделу «общего пирога». Нетрудно заметить очень серьезное недовольство русских своим положением не только в республиках, но и в целом ряде российских областей. Именно на волне этой тенденции стали возникать всевозможные русские партии, соборы, единства, фактически выступающие с одним лозунгом: «Россия — для русских!» Их успех возможен в том случае, если они сумеют натравить самую большую нацию нашей страны на все остальные народы, населяющие Российскую Федерацию. Понятно, что идея «губернизации», идея возвращения к Российской империи, к границам 1913 г., идея чистки всех московских рынков, идея «чисто русского» правительства и т. д. ведут к забвению интересов других народов России, составляющих 13% ее населения.

Осуществляется попытка сделать ставку на самую крупную нацию Российской Федерации. Как историк, я хотел бы заметить, что в нашей стране никогда не было ни религиозных или межнациональных войн, ни крестовых походов, поэтому я не верю, что удастся стравить русских с остальными. Тем более, что мы все-таки живем в конце XX в. Но опасность «великодержавного шовинизма» сейчас самая главная, в отличие от «местного национализма», который был главной опасностью в начале 90-х годов.

В. Ф. Но мне кажется, что до тех пор, пока сохраняется неправая, как вы выразились, дележка общего пирога, «великодержавный шовинизм» будет иметь вполне определенное экономическое основание. И чем большие «куски» достаются национальным меньшинствам, тем более болезненной будет реакция этнического большинства.

В. Л. Действительно, несмотря на то, что в Конституции Российской Федерации закреплено равноправие ее субъектов, в том числе и в экономической сфере, к сожалению, при распределении общенародного богатства этот принцип пока не соблюдается.

Сталинская национальная политика, заключавшаяся, как известно, в «подкармливание» малых народов с тем, чтобы удержать их в составе Советского Союза, во многом «развратила» эти народы, отучила их по-настоящему работать. И поэтому сейчас «бросить» эти народы в рынок — это значит резко обострить и дестабилизировать ситуацию. Конечно, равенство должно входить в нашу жизнь, но только поэтапно.

Я недавно вернулся из Дагестана, где военно-промышленный комплекс составляет 87%. В годы войны туда «загнали» всю военную промышленность, и сегодня фактически другой промышленности там нет. Поэтому дотации, которые Дагестан ныне получает (а это самая дотационная республика), целиком идут на военные заводы, которые обслуживали раньше Советский Союз, а сегодня — нашу Российскую армию. В то же время целый ряд республик — Татарстан, Башкортостан, Чечня и др., воспользовавшись «парадом суверенитетов», «выбили» себе определенные льготы и преимущества. Во-первых, они заключили договоры с федеральным центром, против которых я всегда выступал, политические договоры, в которых прямо записаны определенные налоговые льготы, и сегодня исполнительная власть закрывает на это глаза, провоцируя тем самым остальные субъекты Федерации на очень резкие заявления и действия.

В. Ф. И провоцируя тот самый русский «великодержавный шовинизм», о котором мы только что говорили...

В. Л. Совершенно верно. Я думаю, что с этим действительно нужно кончать. Во-вторых, прекратить саму практику заключения подобных договоров, ибо на самом деле получается: 89 субъектов федерации выстроились в «очередь», и те, кто стоят первыми, получают большие преимущества за счет тех, которые стоят в конце. И ясно, что до конца эта «очередь» никогда не дойдет, поскольку те, кто успеют подписать договор вначале, будут «наживаться» за счет остальных субъектов Российской Федерации.

Конечно, мы не отрицаем договорный процесс вообще: пожалуйста, можно заключать соглашения, как в Германии. Например, строится федеральная автомагистраль Бонн — Кельн, проходящая через территорию двух земель. Между федеральным и земельным правительствами заключается договор: сколько федеральное правительство заплатит денег за то, что эксплуатируется территория данной земли ФРГ. Такого рода соглашения, я думаю, неизбежны и очень полезны. Более того, недавно я провел анализ, который показал, что уже между самими субъектами Федерации заключено свыше 1000 соглашений, примерно 400 договоров подписаны между субъектами Российской Федерации и субъектами зарубежных государств о культурном и экономическом сотрудничестве. Это, по-моему,

неплохо. Но повторяю: необходимо четкое конституционно-правовое регулирование этих отношений.

Хотел бы подчеркнуть еще один момент. К сожалению, сегодня бюджет распределяется не в соответствии с законом, не в соответствии с системой трансфертов, которую пыталось ввести Министерство финансов, а в основном на сугубо субъективной основе: кто из региональных лидеров ближе к Борису Николаевичу и Виктору Степановичу, кто может, что называется, «открыть ногой дверь» в кремлевский кабинет, тот получает и льготные кредиты, и массу других преимуществ, а те, кто не имеют таких возможностей, прозябают в нищете и бесправии.

В. Ф. Положение, на мой взгляд, усугубляется еще и тем, что почти во всех бывших российских автономиях оформились более или менее выраженные этнократические режимы.

В. Л. Усиление диспропорции в представительстве русских и «титulyных» наций в государственном аппарате республик — это реальная и очень серьезная проблема, причем ситуация все ухудшается. Хотя, как я уже говорил, сепаратистские тенденции в последнее время несколько ослабли, в кадровой политике местный национализм пока не сдает позиций. Так, имеются тревожные данные из Башкортостана: должности глав районных администраций фактически все заняты сегодня башкирами, хотя известно, что башкиры на третьем месте по численности в республике. У меня есть сведения, что и в других республиках подобная ситуация, а это очень серьезная «мина замедленного действия».

На мой взгляд, имеет смысл присмотреться к дагестанскому опыту. В республике создан Государственный Совет из представителей 15 народов (по одному представителю от каждого народа). Этот Государственный Совет следит, чтобы все должности, которые есть в этой самой многонациональной в РФ республике, распределялись в соответствии с этническими пропорциями.

В то же время я считаю, что сверху, административным путем, эту проблему отрегулировать не удастся. Надеюсь, что по мере стабилизации ситуации в стране и возвращения республик в нормальное правовое и экономическое пространство России, когда улягутся страсти, все вернется к нормальной кадровой политике. Нужно немного времени, чтобы люди смогли «остыть» от всех национальных страстей, которые бушевали в предшествующий период времени, и поняли, что такие качества специалиста или руководителя, как квалификация, образование, опыт, честность, наконец, гораздо важнее, чем его национальная принадлежность.

Надо предавать гласности такие факты, когда человека не за профессиональную непригодность, а за принадлежность к той или иной национальности снимают с должности. Возможны и судебные разбирательства по этому поводу.

В. Ф. Владимир Николаевич, в какой степени, на ваш взгляд, применима в России классическая бауэровская концепция национально-культурной автономии?

В. Л. Я выступаю за концепцию культурно-национальной автономии и полагаю, что это был бы хороший вариант помощи тем народам, которые не имеют своей государственности, а у нас таких довольно много. Этот институт мог бы помочь им в решении языковых, культурных, образовательных проблем, помог бы в какой-то степени представить их в органах местного самоуправления, первичных органах государственной власти. К сожалению, мы очень затянули с принятием соответствующего закона, и он тоже стал предметом политической борьбы в Государственной Думе между унитаристами и федералистами. Пока побеждают унитаристы.

В. Ф. Как вы относитесь к тому, что на территории Российской Федерации (точнее, на территории ряда ее субъектов) статус государственных языков имеют, наряду с русским, еще и языки «государствообразующих» наций?

В. Л. Что касается языковой политики, то, на мой взгляд, та политика, что на сегодняшний день сложилась и закреплена в Конституции России и в Конституциях всех остальных республик РФ, вполне нормальна. Русский язык является государственным языком на всей территории государства, и одновременно в республиках есть второй государственный язык — язык «титულიной» нации, которая там проживает. При этом каждый гражданин волен изъясняться, писать документы, участвовать в судопроизводстве на том языке, который он считает родным и которым лучше владеет.

В. Ф. К сожалению, на практике принятие закона о двух государственных языках, как правило, сопровождается некими подзаконными актами, определяющими перечень должностей, которые могут занимать только люди, владеющие двумя государственными языками. И это служит механизмом выдавливания «некоренных» из государственного аппарата.

В. Л. Да, совершенно верно. Например, в ряде республик по закону президент обязан владеть двумя языками. В некоторых случаях принятие таких норм было направлено против конкретных претендентов, имевших очень большие шансы победить на президентских выборах, прямо скажу, — против кандидатов русской национальности. С помощью таких законов их фактически лишили права получить поддержку большинства избирателей. Я думаю, что это недопустимо. Другое дело, что человеку, который живет на земле, на которой веками проживали «титульные» народы, необходимо учить их язык, изучать местную культуру: чем шире культурный кругозор человека, чем больше он знает языков, тем он становится богаче. К тому же это проявление уважения к тем людям, которые живут вместе с ним и разговаривают на своем родном языке.

В. Ф. Как вы оцениваете влияние конфессиональных факторов на этнополитическую ситуацию в России?

В. Л. Думаю, что определенное влияние существует. Действительно, сейчас все больше говорится о том, что православие фактически должно стать официальной религией в Российской Федерации. Я думаю, что это неправильно, поскольку Россия — многоконфессиональная страна. У нас, в частности, очень много мусульман. В тюркских республиках сейчас сильны происламские настроения, стремление к созданию исламского блока. На мой взгляд, это гораздо опасней, чем создание христианско-демократических партий в российских регионах государства, так как известно, что исламский фундаментализм служил идеологией многих конфликтов и завоевательных войн в истории мировой цивилизации. Я думаю, что, относясь с уважением к чувствам истинно верующих людей, нужно в то же время решительно противостоять тем политикам и политическим организациям, которые проповедуют национально-религиозную рознь.

В. Ф. В этой связи, как вы оцениваете существование в Уголовном кодексе РФ ст. 74, предусматривающей уголовное преследование за разжигание межнациональной розни?

В. Л. Я неоднократно предлагал расширить и конкретизировать ст. 74 УК, чтобы основания, по которым можно привлечь человека или организацию к уголовной ответственности за нарушение основополагающих принципов национального и религиозного равноправия, были бы очень конкретными и осязаемыми, потому что пока я не знаю практически ни одного случая, чтобы у нас кого-то привлекли к ответственности за национальную и религиозную рознь.

Е. Филиппова. Одна из тяжелых проблем, вставших после распада СССР перед его правопреемницей — Российской Федерацией — проблема 25 млн. русских,

оставшихся «за границей». Как по-вашему, должна ли Россия нести ответственность за их судьбы, и если да — то в чем это должно выражаться?

В. Л. Признавая важность проблемы соотечественников, я в то же время выступаю категорически против воссоздания СССР или Российской империи, считая, что, кроме как силой, этого добиться никак не возможно. Думаю, что главное — это экономическая мощь России. Если Россия в силу своего потенциала (людского, ресурсного и материального) будет самой богатой и сильной республикой, остальные неизбежно будут тяготеть к ней, и на каком-то этапе возможно установление конфедеративных отношений. А дальше, не исключая, возникнут и более тесные. Но если мы сейчас начнем, используя наших соотечественников и превращая их в «пятую колонну», грозить нашим соседям или пытаться присоединить к России те регионы, где большинство составляют русские, мы придем к югославской трагедии. Надеюсь, что здравый смысл россиян все же возобладает.

Я считаю, что наш долг — максимально помочь соотечественникам, прежде всего экономически и культурно (учебники, газеты, обеспечение оплаты эфирного времени, чтобы «Останкино» и Российское телевидение работали во всех республиках бывшего Советского Союза). Мы должны дипломатическим и правовым путем их защищать от тех несправедливостей, которые имеют место в постсоветских государствах. Но я категорически против лозунга, который я впервые услышал от Гарри Каспарова: «Давайте бросим клич: „Русские, возвращайтесь все в Российскую Федерацию!“»

Е. Ф. Вы принципиальный противник идеи репатриации?

В. Л. Сейчас около 3 млн. беженцев, после всех межнациональных конфликтов. Из них примерно половина — на территории России, причем большинство еще не обустроено: живут в совершенно непригодных помещениях, а то и просто на улице. Если же мы сейчас бросим клич, чтобы 25 млн. человек вернулись в Россию...

Во-первых, многие люди не хотят сюда возвращаться: в Прибалтике, например, русские имеют намного более высокий уровень жизни, чем в самой России. Во-вторых, я думаю, что если такая глупость будет когда-нибудь каким-нибудь политиком сделана, он потеряет самую преданную России часть граждан этих государств, которые при любых существующих там политических режимах всегда будут культурно, идеологически, просто по-человечески тяготеть к Российской Федерации.

Если же мы допустим полное вытеснение русских из этих стран, тогда, я думаю, действительно вокруг России образуется «санитарный кордон», и мы будем один на один со всем остальным миром.

Ноябрь 1995 г.